Сара
Дюнан

Борджиа

Кровь и страсть

Азбука
Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 96

Sarah Dunant
BLOOD AND BEAUTY
Copyright © Sarah Dunant, 2013
All rights reserved

Перевод с английского Галины Весниной

Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Настоящее издание выходит с разрешения
Aitken Alexander Associates Ltd и Van Lear Associates

© Г. Веснина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-33650-6

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

К концу XV века карта Европы уже обретала очертания, в целом узнаваемые для современного глаза. Франция, Англия, Шотландия, Испания и Португалия постепенно превращались в единые географические и политические образования под властью наследственных монархий. Италия же, напротив, все еще оставалась конгломератом городов-государств, что делало страну уязвимой для вторжений извне. За исключением Венецианской республики, большинство этих государств находилось в руках семейных династий: в Милане — Сфорца, во Флоренции — Медичи, в Ферраре — д'Эсте, а в Неаполе и на юге — испанской ветви Арагонского дома.

В самом центре этой политической мозаики располагался Рим — настоящее осиное гнездо, где знатные семейства ожесточенно боролись за влияние, и одновременно, что еще важнее, — резиденция папского престола. Земельные владения папы были скромны (и зачастую сдавались в аренду папским викариям), однако его влияние простиралось далеко за их пределы. Как глава Церкви, сам понтифик — обычно итальянец по происхождению — контролировал обширную сеть покровительства по всей Европе; а как наместник Бога на земле, он мог и действительно использовал духовную власть в стратегических и политических целях. В эпоху безраздельного господства католицизма и всепроникающей церковной коррупции папы накапливали богатства для себя лично, а также заботились о благополучии членов своих семей, в некоторых случаях — и собственных незаконнорожденных детей, всячески способствуя их возвышению.

В такой обстановке летом 1492 года, после кончины Иннокентия VIII, папский престол в Риме опустел. Все замерло в ожидании преемника.

Он в том возрасте, когда, по словам Аристотеля, мужчины достигают высшей мудрости: тело его крепко, ум остер, и он во всеоружии вступает на свое новое поприще.

Сигизмондо де Конти, папский секретарь, 1492 год

ГЛАВА 1

11 августа 1492 года

Рассвет — бледный синяк, подсветивший ночное небо; в окне дворца распахивается створка, и в проеме появляется лицо, черты которого искажены светом факелов, пылающих внизу. На площади под окнами спят солдаты, выставленные для охраны порядка. Но они просыпаются мгновенно, едва площадь оглашает крик:

— У нас есть папа!

Внутри воздух тяжел и кисл от запаха старческого пота. Рим в августе — город изнеможения и смерти. Вот уже пять дней двадцать три человека заточены в огромной ватиканской капелле, похожей скорее на казарму. Каждый богат, обладает высоким положением, привык есть с серебряных тарелок и распоряжаться дюжиной слуг, готовых исполнить любое его желание. Однако в капелле нет ни трудолюбивых писцов, ни опытных поваров. Запертые с одним-единственным камердинером, помогающим одеться, эти люди питаются скудной едой, которую подают через деревянный люк, захлопывающийся сразу, как только доставлена последняя порция. Дневной свет просачивается сквозь маленькие окна далеко наверху, а по ночам множество свечей мерцает под бочкообразным потолком, расписанным небом и звездами, — кажется, над головой простирается сама твердь небесная. Кардиналы постоянно находятся в обществе друг друга, выходя только для официальной процедуры голосования или чтобы облегчиться, и даже в уборных работа продолжается: переговоры и уговоры под журчание мочи стареющих муж-

чин. Наконец, когда они слишком устают, чтобы говорить, или нуждаются в наставлении свыше, им разрешается удалиться в свои кельи — временные отсеки, сооруженные по краям капеллы, где стоят стул, стол и, на возвышении, нары для сна; эта спартанская обстановка, без сомнения, должна напоминать кардиналам о мытарствах святых подвижников.

Вот только в наши дни святые — величайшая редкость, особенно среди римской коллегии кардиналов.

Двери заперли утром 6 августа. Десятью[1] днями ранее, после долгих лет тяжкой болезни, папа Иннокентий VIII наконец устал бороться за жизнь и сдался. В своих покоях Ватиканского дворца его сын и дочь терпеливо ждали, когда их позовут к постели умирающего, но последние мгновения понтифика были отданы препирательствам кардиналов и врачей. Его тело еще не остыло, а по городу уже поползли слухи, точно смрад из сточных канав. Стая послов и дипломатов жадно вдыхала его, а затем отправляла собственные версии событий в переметных сумах на спинах быстрых коней по всей земле — истории о том, как тело его святейшества иссохло, несмотря на опустошенный кувшин крови, выкачанной из вен римских уличных мальчишек по приказу еврейского лекаря, поклявшегося, что это спасет папе жизнь; как те самые обескровленные мальчики уже кормят рыб в Тибре, пока сам лекарь бежит из города. А тем временем любимчик покойного, гневливый кардинал делла Ровере, так увлеченно обменивался оскорблениями с вице-канцлером, кардиналом Родриго Борджиа, что ни один из них даже не заметил, как его святейшество, покоящийся на папских простынях, испустил последний вздох. Возможно, Иннокентий умер, чтобы избавиться от шума, — ведь они ссорились много лет подряд.

Разумеется, в такой паутине лжи каждый волен выбирать, во что верить; предпочтения сильных мира сего разнятся: одним по вкусу мясо поострее, другим — более пресное. Мало

[1] Ошибка автора. Двенадцатью днями ранее. Конклав 1492 года открылся на 12-й день вместо положенного 10-го из-за задержки 95-летнего венецианского кардинала Маффео Герардо. — *Здесь и далее примеч. перев.*

кто ставил под сомнение коварство кардиналов, но байка о кувшине с кровью не прижилась, поскольку всему городу хорошо известно, что единственной пищей его святейшества последние недели было молоко кормилицы, поселившейся в соседней комнате и получавшей плату за каждую чашку. Ах, какой прекрасный путь в рай — упиться до смерти материнским молоком!

Что касается самого конклава, то предсказать его решение не представлялось возможным, поскольку всем было известно: следующего наместника Бога на земле изберут не столько по святости, сколько благодаря подкупу и торговле влиянием.

Вечером третьего дня изнуренные кардиналы разбрелись по своим кельям. Родриго Борджиа, папский вице-канцлер и испанский кардинал Валенсии, отдыхал, созерцая сцену из жизни Моисея с участием прекрасных дочерей Иофора, юных и свежих, — завитки их волос и яркость одежд привлекали взгляд даже при свечах. Фреска располагалась над богато расписанными драпировками на стенах капеллы (известно, что новые кардиналы порой пытались отдернуть эти занавесы). Сикстинская капелла может похвастаться шестнадцатью подобными фресками — сценами из жизни Христа и Моисея, — и тем, у кого достаточно влияния, позволено выбрать келью в соответствии с ее местоположением в этом цикле. Чтобы никто не ошибся насчет его амбиций, кардинал делла Ровере в данный момент расположился под изображением Христа, вручающего святому Петру ключи от Церкви, тогда как его основному сопернику, Асканио Сфорца, пришлось довольствоваться Моисеем, сжимающим скрижали (хотя благодаря брату, заправлявшему воинственным Миланом, он имел за душой куда большее, чем десять заповедей).

На людях Родриго Борджиа всегда был скромнее в своих притязаниях. Он занимал пост вице-канцлера при пяти понтификах — само по себе дипломатическое достижение, — а также владел рядом приходов, что делало его одним из самых богатых и влиятельных церковников Рима. Но существовало одно обстоятельство, которое он не мог обратить себе

на пользу, — его испанская кровь. Потому-то папский престол до сих пор ускользал от Борджиа. Но, возможно, не в этот раз: после двух голосований между основными претендентами установился паритет, благодаря чему собранный им самим скромный набор голосов становился куда более весомым.

Он шепчет короткую молитву Деве Марии, берет кардинальскую шапку и бесшумно ступает по мозаичному проходу между временными кельями, пока не добирается до той, которую искал. Внутри сидит несколько измотанный жарой и политическими интригами молодой человек с бледным лицом и небольшим брюшком, достойным Вакха. В семнадцать лет Джованни Медичи — самый молодой кардинал, когда-либо принятый в Священную коллегию, и он еще не решил, кому отдать свою преданность.

— Вице-канцлер! — Юноша вскакивает. По правде говоря, раздумывать о церковных делах можно лишь до известного предела, и его мысли давно блуждают вокруг пышных грудей девушки, разделявшей с ним ложе в Пизе, когда он там учился. Чем-то, смехом ли, запахом ли кожи, она так очаровала его, что теперь, когда ему требуется отдых, он мысленно прижимается к ее телу. — Простите, не слышал вашего приближения.

— Напротив, это мне следует просить прощения. Я отвлекаю вас от молитвы!

— Нет... Не совсем так. — Медичи предлагает гостю единственный стул, но тот отмахивается, опуская свой широкий зад на нары.

— Мне и здесь будет хорошо, — говорит он весело, хлопнув по тюфяку.

Молодой Медичи внимательно смотрит на вице-канцлера. Все изнывают от невыносимой жары, а этот крупный мужчина сохраняет поразительную бодрость. Неровное пламя свечей выхватывает из тени широкий лоб, густые коротко остриженные белые волосы, большой крючковатый нос, полные губы, мощную шею. Родриго Борджиа нельзя, немыслимо назвать красивым — он слишком стар и тучен. Однако

он невольно притягивает взгляд — столько жизни и страсти излучают его блестящие темные глаза.

— Пережив выборы четырех пап, я почти привязался к — как бы это назвать? — трудностям конклавской жизни. — Голос, как и тело, внушительный — глубокий и полнозвучный; испанский акцент проявляется в гортанной обрезке некоторых слов. — Но я все еще помню свой первый раз. Я был немногим старше вас. Тогда тоже стоял август — увы, весьма неудачный месяц для здоровья наших святых отцов. Наша тюрьма тогда была, конечно, не столь великолепна. Комары едва не съели нас заживо, а от, с позволения сказать, постели у меня ломило все кости. И все-таки я выжил. — Он смеется, громко, без тени неловкости или притворства. — Хотя, разумеется, у меня не было такого замечательного отца, чтобы направлял меня. Лоренцо Медичи гордился бы, увидев, как достойно вы держитесь на конклаве, Джованни. Я искренне скорблю о его кончине. Это потеря не только для Флоренции, но и для всей Италии.

Юноша склоняет голову. «Остерегайся, сын мой. Ныне Рим — вертеп беззакония, средоточие зла». Под одеяниями он хранит письмо отца — наставление, как войти в змеиное гнездо церковной политики; написанное человеком, умевшим скользить по тонкому льду так, что это казалось танцем. «Немногим можно доверять. Держи мысли при себе, пока не утвердишься». С момента смерти отца, случившейся всего несколько месяцев назад, юный кардинал заучил письмо наизусть, но сейчас он отчаянно жалеет, что отец не потрудился высказаться не столь витиевато, более конкретно.

— Так скажите мне, Джованни... — Родриго Борджиа понижает голос с преувеличенной таинственностью, словно предвкушая секреты, которыми им предстоит обменяться, — как вы справляетесь со всем этим... несмотря на тяготы?

— Я молю Бога, чтобы Он указал нам достойного человека, который поведет нас за собой.

— Прекрасно сказано! Уверен, ваш отец не раз порицал продажность Церкви и предостерегал вас от ложных друзей, которые увлекут вас за собой в пучину растления.

«Нынешняя коллегия кардиналов бедна достойными мужами, и вам будет благоразумно вести себя с ними сдержанно и осторожно». Юноша машинально прижимает руку к груди, проверяя, на месте ли письмо. «Остерегайтесь соблазнителей и дурных советников, злых людей, которые потащат вас вниз, полагая, что ваш юный возраст сделает вас легкой добычей». Неужели ястребиные глаза вице-канцлера способны читать сквозь два слоя ткани?

Снаружи раздается крик, за ним следует выстрел аркебузы — новое оружие для нового времени. Молодой человек вскидывает голову к высокому темному окну.

— Не тревожьтесь. Обычные беспорядки.

— О... нет, я спокоен.

Хорошо известно: как только папский престол пустеет, Рим мгновенно становится неуправляемым; горожане сводят старые счеты ударами ножа в темных переулках и затевают новые злодеяния — идут на грабежи, вступают в драки, не гнушаются и убийства. Но худшее уготовано тем, кто был слишком обласкан папской милостью, — им есть что терять.

— Вот оказались бы вы здесь, когда умер последний папа из рода делла Ровере, Сикст IV, — хотя даже Лоренцо Медичи не смог бы сделать своего сына кардиналом в десять лет, не так ли? — Родриго смеется. — Племянника покойного так ненавидели, что толпа разграбила его дом чище саранчи. К моменту окончания конклава остались лишь стены да решетки. — Он качает головой, не в силах скрыть удовольствия от воспоминаний. — Впрочем, вам здесь, скорее всего, довольно комфортно: вы сидите под работами протеже вашего отца. — Он поднимает глаза к фреске на задней стене кельи — группе изящных фигур, таких грациозных, что кажется, будто они все еще движутся под кистью художника. — Это работы того флорентийца, Боттичелли, верно?

— Сандро Боттичелли, да. — Этот стиль знаком молодому флорентийцу как «Отче наш».

— Такой талантливый человек! Замечательно, как много... как много духа он вкладывает в изображаемую плоть. Я всегда считал, что папе Сиксту невероятно повезло заполу-

чить его, учитывая, что за три года до того его святейшество организовал заговор с целью убить вашего отца, покровителя художника, и истребить весь род Медичи. К счастью, вы слишком молоды, чтобы помнить то злодейство.

Но не настолько молод, чтобы ему позволили забыть. Единственное, что было кровавее самого заговора, — это расправа над теми, кто попытался его осуществить.

— К счастью, ваш батюшка выжил и привел семью к процветанию. Несмотря на семейство делла Ровере, — добавляет Родриго с улыбкой.

— Мой отец высоко отзывался о вашем остром уме, вице-канцлер. Я знаю, что многому у вас научусь.

— Ах! Вы, я вижу, унаследовали его проворный разум и способности дипломата. — И Родриго удостаивает молодого собеседника одобрительным смешком. Свеча на столе колышется от его дыхания, свет пляшет на его внушительном, с крупными чертами, лице. Джованни чувствует, как капля пота скатывается с волос, и вытирает ее рукой. Пальцы становятся грязными и липкими. А кардинал Борджиа остается великолепно невозмутимым, словно и не ощущает проклятой жары.

— Что ж, простите меня за некоторую отеческую нежность — у меня сын вашего возраста. Поднимаясь по лестнице церковной иерархии, он часто нуждается в моем совете. Ах, но, конечно, вы это знаете. Вы же учились вместе в Пизе. Чезаре часто говорил о вас как о добром друге. И о выдающемся знатоке риторики и права.

— Я сказал бы о нем то же самое. — На людях. А с глазу на глаз, если бы осмелился, заявил бы, что самоуверенный юный Борджиа не способен стать кому-либо другом, поскольку слишком цепляется за свою испанскую свиту. И это к лучшему, ибо сколько бы денег ни тратил тот на свои наряды (явно предостаточно; когда он являлся к обеду, ткани почти не было видно за нашитыми на нее драгоценностями), бастард Борджиа никогда не станет ровней законному наследнику Медичи. Однако Чезаре отличается редкой сообразительностью и в публичных диспутах может уничтожить против-

ника, вытягивая аргументы, словно разноцветные нити из своего мозга, — пока черное не начинает казаться белым, а несправедливость — всего лишь очередным оттенком серого. Даже похвала наставников, казалось, навевала на юного Борджиа скуку: он проводил больше времени в тавернах, чем в аудиториях. Впрочем, в этом грехе он был не одинок.

Молодой Медичи рад, что вокруг царит полумрак, — проницательный человек способен прочесть слишком многое по выражению его лица. На гербе Борджиа красуется бык, но всем известно, что лисья хитрость у этой семьи в крови.

— Я восхищаюсь вашей преданностью и стремлением к добродетели, кардинал. — Родриго Борджиа наклоняется и мягко кладет руку на колено юноши. — Это будет зачтено вам в Царствии Небесном. — Он делает паузу. — Но, боюсь, не в анналах человеческих. Печальная правда состоит в том, что наши времена глубоко порочны, и без папы, способного противостоять аппетитам волков, что рыщут вокруг, не выживет ни Рим, ни Италия.

Тыльная сторона его ладони мясиста, но пальцы неожиданно длинны, изящны и ухожены, и на мгновение юноша ловит себя на мысли о женщине, что делит ложе с вице-канцлером. По слухам, она — ожившая Венера, белокожая, златовласая и юная — годится Родриго во внучки. Сплетни окрашены отвращением: сладость и гниль в одной постели, как можно! Но в них есть и изрядная доля зависти: независимо от внешности и возраста мужчины, власть неизменно притягивает к себе красоту.

— Вице-канцлер, — Медичи переводит дыхание, — если вы здесь, чтобы заручиться моей поддержкой...

— Я? Нет, нет и нет. Я лишь один из агнцев могучего стада. Как и вы, я не желаю ничего, кроме как служить Богу и нашей Святой Матери Церкви. — Глаза вице-канцлера вспыхивают. Говорят, ярость Джулиано делла Ровере способна испепелить и кусок мяса, однако бояться следует скорее улыбки Борджиа. — Нет. Если я и претендую на папский престол, то лишь опасаясь, что он окажется в руках менее умелых, чем даже мои собственные.

Джованни смотрит на собеседника, поражаясь его умению столь откровенно лгать и при этом производить впечатление, словно говорит он от чистого сердца. Не в этом ли секрет вице-канцлера? За последние дни у юного Медичи была возможность наблюдать Борджиа в деле: как ловко он встревает в беседы, как бросается к старейшим членам конклава, помогая добраться до их келий, как находит способ обойти острые углы, когда переговоры заходят в тупик и требуются новые стимулы. Несколько раз, посещая уборную, молодой человек замечал, что оживленные разговоры, ведшиеся до его появления, смолкают. И почти всегда там оказывался вице-канцлер, сияющий, с большим животом, небрежно, словно это самая естественная поза для кардиналов в присутствии друг друга, держащий в руке свой инструмент.

В келье воздух густ, как суп.

— Святая Мария и все святые. Если мы не будем осторожны, то сваримся заживо, как святой Кирин. — Родриго театрально обмахивается и, запустив руку под мантию, достает стеклянный флакон с причудливой серебряной крышкой. — Могу ли я предложить вам облегчение?

— Нет, благодарю.

— Нет? Тогда, если позволите... — Он запускает палец внутрь и щедро умащает себя. Уловив аромат жасмина, молодой человек вспоминает, что ему доводилось чуять запах этих — и нескольких других — духов в общих помещениях. Неужели каждый кардинал, точно собаки в стае, стремится оставить собственную метку?

Вице-канцлер возится, убирая флакон обратно в складки одеяний, и поднимается, собираясь уходить. Но вдруг меняет решение.

— Джованни, мне кажется, вы слишком сын своего отца, чтобы не понимать, что здесь происходит. Поэтому я открою вам маленький секрет. — И он с некоторым усилием наклоняется, приближая лицо к юноше. — Не тревожьтесь. Считайте это данью уважения вашему семейству — совет, как действовать, когда воздух становится густым, как протухший сыр. Делла Ровере не выиграет эти выборы, хотя пока все складывалось в его пользу.

— Откуда вы это знаете? — быстро спрашивает юноша. Удивление — и, скорее всего, лесть — заставляют его отринуть присущую ему сдержанность.

— Я не только хорошо умею считать, но и способен заглянуть в сердца людей. — Он улыбается, но невесело. — На следующем публичном голосовании партия делла Ровере наберет еще больше голосов, но их окажется недостаточно для окончательной победы. Когда это случится, Асканио Сфорца, который стал бы неплохим папой, хотя слишком благоволил бы Милану, чтобы Флоренция — то есть вы — когда-либо могла его принять, начнет паниковать. И правильно сделает. Ведь делла Ровере на папском престоле будет покровительствовать тому, кто больше платит. Известно ли вам, что деньги, благодаря которым он прокладывает себе путь наверх, даже не его собственные? Знаете, откуда они? Франция! Представьте: итальянский кардинал, продавшийся Франции. Слух, конечно, доходил до ваших ушей. Думаете, грубая клевета? Но в этом городе клевета обычно менее гнусна, чем правда. — Он преувеличенно тяжко вздыхает. — Разумеется, нас ожидает сущий кошмар — иностранная держава в папском дворце. Итак, чтобы потопить соперника, Асканио Сфорца обратится ко мне. — Он замолкает, давая Джованни осознать смысл этих слов. — Потому что я единственный, кто способен остановить поток воды, льющейся на мельницу делла Ровере.

— Обратится к вам? Но... — «Повторяю, сын мой: пока вы не освоитесь, вам лучше пользоваться ушами, а не языком». — Но я полагал... — Он не заканчивает.

— Полагали что? Что папа Борджиа ничем не лучше? — говорит он, воскрешая в голосе гортанное «р» своего имени. — Что он тоже иностранец, который более предан Испании, чем Италии, и заботится только о своей родне? — На мгновение в глазах вице-канцлера вспыхивает неприкрытый гнев. — Скажите мне: разве папа из рода Медичи пекся бы о святой Церкви меньше из-за того, что он любит свою семью и родом из Флоренции?

— Кардинал Борджиа, я не намеревался...

— Оскорбить меня? Нет! И вы не оскорбили. Могущественные семьи должны говорить друг с другом открыто. Я бы не ожидал меньшего. — Он улыбается, прекрасно понимая, что приведенное им сравнение задевает юного собеседника. — Да, я Борджиа. Когда я обнимаю своих детей, мы говорим на родном языке. Но я брошу вызов любому, кто скажет, что я менее итальянец, чем тот, кто сует нос во французские сундуки. Если папская корона продается — и, Бог мне свидетель, не я начал этот торг, — то пусть тайна сделки останется в этих стенах. — Он снова вздыхает и хлопает Джованни по плечу. — Ах! Боюсь, я сказал слишком много. Видите! Вы вытянули из меня правду. Кровь вашего отца течет в ваших жилах. Каким он был политиком! Всегда успевал подставить ветру влажный палец и, уловив изменения, разворачивал паруса государственного корабля, чтобы удержать его на верном курсе.

Молодой Медичи не отвечает. Он слишком впечатлен представлением. Политика обаяния. Выросший с отцом, который умел превращать уксус в мед, когда это было ему выгодно, он лучше других знает, как это работает; но это виртуозное сочетание добродушия, хитрости и театральности вице-канцлера ново даже для него.

— Вы устали. Отдохните. Что бы ни случилось, вопрос не решится как минимум до завтра. Знаете, мне кажется, мой Чезаре в алых одеждах выглядел бы почти так же хорошо, как вы. — И последняя улыбка ярче всех, вероятно, потому, что в ней нет притворства. — Я вижу вас, высоких и стройных, как кипарисы, стоящими рядом. Представьте, какой огонь разожгут ваша молодость и энергия в этой обители стариков. — И он разражается громовым смехом. — Ах, глупая гордость отца, который любит сыновей больше жизни, — и с этими словами вице-канцлер удаляется.

Оставшись один, юноша сидит, обдумывая услышанное, и, хотя ему следовало бы размышлять о следующем публичном голосовании, выбросить из головы образ Чезаре Борджиа в кардинальском пурпуре никак не удается. Джованни вспоминает его шагающим по улицам Пизы, конечно в плотном кольце свиты, с таким видом, будто любая закрытая

дверь распахнется перед ним еще до того, как он постучит, и не в любую он соизволит войти. Господь знает, в церковной иерархии полно людей, знакомых со смирением лишь понаслышке, высокомерных или ленивых (Джованни, сыну своего отца, известны собственные недостатки), но они, по крайней мере на людях, прилагают усилия и ведут себя как положено. Но только не Чезаре.

Впрочем, несмотря на всю спесь молодого Борджиа, амбиции его отца потерпят крах: Чезаре поднимется лишь до определенной высоты, как бы ни стремился влезть еще выше. Каноническое право, изучению которого они посвятили долгие годы, на удивление ясно на этот счет: хотя богатства доступны всем, ни один бастард — даже папский — не может войти в Священную коллегию кардиналов.

Снаружи доносится шум шагов, обрывки разговоров, смех Родриго Борджиа — кардиналы собираются на ужин. И кто-то там, несомненно, стремится привлечь в партию делла Ровере побольше голосов, чтобы обеспечить его кажущуюся неизбежной победу.

Джованни достает из-под исподней сорочки письмо отца — бумага влажная от пота, и не только из-за удушающей жары в келье, — опускается на колени и, впервые с тех пор, как начался конклав, возносит Богу молитву, которая исходит из самого его сердца.

ГЛАВА 2

На следующее утро на конклаве состоялось третье предварительное голосование — в небольшом зале, примыкающем к капелле.

По результатам подсчета голосов партия делла Ровере вырывается вперед с небольшим, но ощутимым перевесом. Сам триумфатор сидит с каменным лицом — он слишком хороший политик, чтобы выдавать свои чувства, — но Асканио Сфорца, человек более эмоциональный, немедленно выказывает тревогу. Он нервно косится в сторону вице-канцлера, однако кардинал Борджиа опускает глаза, словно в молитве.

Противоборствующие партии собираются в разных частях главного зала капеллы. Борджиа удаляется в уборную. Сфорца провожает его взглядом, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, будто у него вот-вот лопнет мочевой пузырь, и устремляется следом, едва за вице-канцлером закрывается дверь. Когда он выходит через несколько мгновений, лицо у него пепельно-серое: его брат владеет доброй половиной Северной Италии, но здесь нужна совсем иная сила. Сфорца исчезает за спинами своих сторонников. Спустя некоторое время несколько самых могущественных из них также ощущают зов природы, уходят и возвращаются. Наконец появляется сам Борджиа. На сей раз он не улыбается. Судя по выражению его лица, он смирился с неизбежным. Хотя, разумеется, именно так и следует держаться, если собрался незаметно перевернуть доску и увести победу из-под носа триумфаторов.

Несмотря на запертые двери Ватиканского дворца, к вечеру весть, точно дым, просачивается наружу и становится главной темой за самыми богатыми столами города. Все великие семейства: Колонна, Орсини и Гаэтани (у каждого — свои доверенные кардиналы) — ложатся спать с именем делла Ровере на устах, а сторонники триумфатора видят во сне грядущие барыши.

Тем временем под прикрытием темноты на полпути между мостом Сант-Анджело и Кампо-де-Фьори происходит что-то странное. Дворец Борджиа известен во всем Риме как удачный союз хорошего вкуса и богатства. Это не только жилище невероятно состоятельного кардинала, но и канцелярия вице-канцлера — прибыльное предприятие, приносящее папству немалые доходы. Близится время окончательного голосования. И соглядатаи (они трудятся не бесплатно) замечают, как из боковых ворот дворцовой конюшни выезжает вереница животных. Впереди на быстроногом коне, турецком чистокровном скорее всего, закутанный в плащ всадник. Следом — шесть мулов. Конь достигает северных городских ворот, когда мулы все еще медленно бредут вверх по одному из семи римских холмов: серебро — тяжкая ноша даже для вьючных животных. Всего восемь мешков, и каждый явно наполнен заранее — такие деньги невозможно пересчитать за одну ночь. Куда же направляется процессия? Во дворец кардинала Асканио Сфорца. Поражение горько на вкус, но есть способы подсластить пилюлю.

Позолоченные звезды на потолке Сикстинской капеллы взирают на кипучую деятельность конклава. Кардиналы, старые и молодые, продажные и святые, ведут бесконечные беседы. Торговля голосами идет такая, что диву даешься, как эти люди не явились со счетами под мантией, чтобы быстрее подсчитать прибыль от предлагаемых бенефициев[1]. Однако стоит течению перемениться — и робкий ручей превращает-

[1] *Бенефиции* (от *лат.* beneficium — благодеяние) в данном контексте — это церковные должности или доходные места, которые папа римский (или его ближайшее окружение) раздавал кардиналам в обмен на их голоса во время конклава.

Дюнан С.

Д 96 Борджиа. Кровь и страсть : роман / Сара Дюнан ; пер. с англ. Г. Весниной. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 576 с. — (The Big Book. Исторический роман).

ISBN 978-5-389-33650-6

Поразительная история самого скандального и амбициозного семейства Италии — Борджиа, чье имя стало синонимом коварства, власти и безудержной страсти, соткано в эпическое полотно. Красота и жестокость, страсть и расчет переплетаются здесь в смертельном танце.

Рим, Ватикан, 1492 год. В городе, где величие античности соседствует с грязью средневековых улиц, правит папа Александр VI — он же Родриго Борджиа, харизматичный испанец, купивший себе тиару. Его оружие — не только крест, кинжал и яд, но и его дети: блистательный и безжалостный Чезаре и юная Лукреция, чью невинность отец без колебаний превращает в разменную монету в большой политической игре.

Когда французский король вторгается в Италию, Ватикан превращается в осиное гнездо коварства и предательства. В этом мире, где браки заключаются по расчету, а аннулируются — по приказу папы, где красота искусства уживается с чудовищной жестокостью, семья Борджиа пойдет по трупам к вершинам власти. Но у золотого трона есть обратная сторона: чем выше взлетаешь, тем страшнее падение...

Великолепный роман для поклонников «Проклятых королей», «Медичи» и сериалов «Борджиа» и «Тюдоры» — о семье, которая не остановится ни перед чем.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

САРА ДЮНАН

БОРДЖИА
КРОВЬ И СТРАСТЬ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Редактор Наталья Тюленева
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Антонина Филимонова, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 23.10.2026.
Формат издания 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 35,28. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қ.,
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-BBH-43025-01-R